

Из воспоминаний ветерана войны Жилина Леонида Николаевича

Жилин Леонид Николаевич родился 1 февраля 1923 года в Ленинграде. В 1937 окончил неполную среднюю школу (7кл.), в 1940 - педагогическое училище, один год работал учителем в сельской школе. В сентябре 1938 вступил в комсомол, с июля 1943 – член ВКП (б).

«О начале войны я узнал 22 июня 1941 года от односельчанина (у него был детекторный радиоприёмник).

В армию я был призван Верейским райвоенкоматом 20 сентября 1941 г. и направлен в г. Чирчик (Узбекистан), в школу авиационных штурманов, откуда нашу команду перенаправили в г. Алма-Ату, в 23-ю школу пилотов первоначального обучения. В течение октября мы строили аэродром, в ноябре начались занятия, но 18 ноября нас подняли по тревоге и отправили поездом (в товарных вагонах) в город Чарджоу в школу авиамехаников, которая должна была быть организована для подготовки специалистов по обслуживанию самолётов союзников, поставляемых в СССР.

В начале декабря 1941 г. нас обмундировали, мы приняли присягу, а в конце декабря 1941 г. перевезли в г. Фергану, куда только что прибыло с фронта Харьковское артиллерийское училище, мы стали курсантами этого училища. Сразу начались напряженные занятия и в конце апреля или начала мая 1942 г. нам присвоили звание «младший лейтенант» и распределили по фронтам. Меня направили на Брянский фронт, в 13 армию, в 132 стрелковую дивизию, в 23 отдельный истребительный противотанковый артдивизион (23 ОИПТАД) на должность командира взвода 45-миллиметровых противотанковых пушек.

Командиром дивизии был полковник Шкрылёв Тимофей Калинович (после зимнего наступления в 1943 г. ему было присвоено звание «генерал-майор»). Командиром 23 ОИПТАД был капитан Грань.

С июня 1942 г. дивизия находилась в обороне, вела бои местного значения, в которых несла значительные потери. 26 января 1943 г. дивизия перешла в наступление. Для меня это было первое боевое крещение. В числе первых освобождённых нами населённых пунктов было Волово (27-29 января 1943 г.) Ныне это районный центр Липецкой области.

Далее боевой путь проходил через:

- Кшень (конец января 1943 г.),
- Мармыжи (конец января или начало февраля 1943 г.),
- г. Щигры, Курской области (4 февраля 1943 г.),
- г. Курск (8 февраля 1943 г.),
- г. Фатеж (9 февраля 1943 г.),

- г. Дмитриев - Льговский (13-23 февраля 1943 г.),

- с. Верхний Любаж (февраль 1943 г.),

- д. Чернь (17-25 марта 1943 г.)

и здесь закончилось наше зимнее наступление. Дивизия понесла значительные потери и все попытки освободить близлежащие деревни заканчивались неудачей.

Помню, как единственный раз за все время пребывания на фронте 7 марта 1943 г. мой взвод был придан подразделению танков «КВ», которые поддерживали наступление пехоты. Наши пушки прицепили к танкам, расчёты и ящики со снарядами разместили на броне, где чувствовали мы себя очень неуютно под обстрелом немецкой артиллерии. Когда командиры танков дали команду отцепить орудия, мы оказались в привычной обстановке и начали вести огонь по противнику. Вскоре пехота залегла под сильным артиллерийским огнём немцев, танки задним ходом отошли, у нас кончились снаряды. На этом наступление закончилось.

Весной мы стояли в с. Молотычи, затем с 24.04 по 25.05 1943 г. в деревне Красавке, 25 мая 1943 заняли оборону севернее села Гнилец, Троснянского района, Орловской области. Здесь мы отражали наступление немцев 5 июля 1943. К 12 июля 1943 немцам удалось потеснить нас к деревне Самодуровке (теперь Игишево, в честь Героя Советского Союза Игишева, артиллери-ста).

Здесь нас вывели из боя, перевели западнее, где немцы не наступали. Получили приказ про-рвать немецкую оборону и освободить село Тросна. С большим трудом приказ был выполнен, т.к. дивизия понесла очень большие потери в оборонительных боях с 5 по 12 июля 1943 г.

Из Тросны нас перевели под Курск, где мы получили пополнение, занимались боевой и поли-тической подготовкой. После освобождения Тросны меня перевели в 425 артполк нашей диви-зии, где я последовательно занимал должности командира взвода управления, помощника начальника штаба полка по разведке, командира батареи 76-мм орудий.

В конце августа нас перевезли на автомашинах в г. Глухов, уже освобождённый нашими вой-сками. Здесь мы включились в освободительные бои на Украине. <...>

22 января 1944 г. я был тяжело ранен. Из медсанбата был эвакуирован в г. Тамбов (эвакогос-питаль). 11 июля 1944 г. демобилизован по ранению, в звании старший лейтенант.

Мне особенно запомнились бои на Курской дуге, в которых мои подчинённые про-явили массовый героизм. Одним из самых памятных для меня дней войны был день 5 июля 1943 г. - первый день Курской битвы.

Я тогда был командиром взвода противотанковых орудий в 23 отдельном истребительном про-тивотанковом артдивизионе 132 стрелковой дивизии. Наши две 45-миллиметровые пушки за-нимали огневые позиции севернее села Гнильца у дороги на Воронеж в одном километре от переднего края обороны.

Мы знали о готовящемся наступлении немцев и сами усиленно готовились к этому бою.

И вот наступил вечер 4 июля. На передовой – тишина, ни одного выстрела. Обычно то наш «Мак-сим» заговорит, то немцы дадут очередь. Установилась тишина какая-то необычная, напряжен-ная, как иногда бывает летом перед грозой.

В те дни стояла очень жаркая погода, на небе ни облачка. Когда стало темнеть, немцы устроили для нас «концерт». С помощью громкоговорящей установки передавали русские и украинские песни, а между ними призывы убивать комиссаров и коммунистов, сдаваться в плен и, самое главное, чтобы не забыли взять с собой котелок и ложку. Мы то хорошо знали, по зимнему наступлению, чего стоили их призывы. Своими глазами видели расстрелянных, а в одной де-ревне – заживо сожжённых наших бойцов, попавших в плен.

Нам стало понятно, что немцы будут наступать. Ночью никто из нас не уснул. Старшина привёз махорку, сухари, воду. Ночью немцы с самолёта сбросили листовки с призывами сдать в плен.

Наступило 5 июля 1943 года. Едва забрезжил рассвет, мы увидели, что в немецких проволочных заграждениях сделаны проходы. Вскоре появилась армада вражеских самолётов, они недолго покружились над своим передним краем. Самолёты были похожи на большую стаю грачей осенью.

Как только из-за горизонта показался край восходящего солнца, ударил первый залп немецких орудий. Самолёты обрушили на нашу оборону свой смертоносный груз. Кругом рвались бомбы, снаряды, мины. Одна группа вражеских самолётов сменялась другой. Стоял сплошной гул, земля содрогалась от мощных взрывов, в окопы сыпалась земля с брустверов, поднятая взрывами. От дыма и пыли першило в горле, было трудно дышать. Мы сидели на дне окопа. Я пытался посмотреть на поле боя в перископ разведчика, но в дыму ничего не было видно.

Взлетел на воздух погребок со снарядами, хорошо, что у нас их было два. Разбит бочонок с водой. Во флягах почти не осталось воды, недельный запас махорки выкурен. Нервное напряжение было столь велико, что всё тело дрожало как в сильный мороз.

Огненный шквал, длившийся непрерывно в течение трёх часов, казалось, должен был уничтожить всё, и он действительно уничтожил много. Нас спасла хорошая подготовка: люди находились в глубоких извилистых окопах, орудия - в укрытиях под двумя или тремя накатами брёвен и сверху земля.

Когда немцы перенесли огонь в глубину нашей обороны, начал рассеиваться дым, перед нами открылась потрясающая картина: в нашем секторе обстрела двигались танки (насчитал до сотни и сбился со счёта), самоходные орудия, бронетранспортёры с пехотой. Плотные цепи немцев шли за танками в полный рост. Вскоре наша артиллерия и «Катюши» открыли сильнейший огонь по немецким войскам, который продолжался около получаса. «Катюши» выезжали из оврага, занимали огневые позиции метрах в двухстах позади нас, выпускали залпом свои реактивные снаряды и быстро спускались обратно в овраг, где их заряжали. Они даже не опускали направляющие. Мы опасались того, что если немцы будут стрелять по «Катюшам», то и нам достанется. Было видно, как сильно поредели порядки фашистов.

После продолжительного замешательства немцы перегруппировались и вновь начали наступление. Теперь вражеские цепи шли впереди танков.

Мы понимали, что наши даже подкалиберные снаряды не могут пробить броню «Тигров» и «Пантер», поэтому не спешили выкатывать орудия из укрытий. Когда до головных танков расстояние сократилось метров до четырёхсот, мы выкатили орудия и не утерпели, чтобы не стрелять по «Тиграм». Выпустили по десять снарядов из каждого орудия, рассчитывая заклинить башню, но только три снаряда взорвались на броне, а семнадцать рикошетировали. Тогда мы стали бить по танкам типа Т-4, удалось подбить четыре танка и два бронетранспортёра с пехотой.

Мы оказались лицом к лицу с врагом. Высоту, на которой находились наши огневые позиции, защищали рота пехоты, взвод ПТР (противотанковых ружей) и наши две пушки. Пехотинцы вели огонь по немецким автоматчикам. Немцы все приближались.

Ряды нашей пехоты редуют, убит командир роты. Немцы обходят нас с флангов. Уже чётко видны лица наступающих фашистов, идущих в полный рост с засученными рукавами, с криками похожими на собачий лай. Впереди шагает офицер, взмахивает рукой. В этот момент мы открываем огонь картечью по немецкой пехоте с расстояния метров 250. После каждого выстрела в цепи наступающих немцев образуются промежутки. Слышно, как вопят раненые «фрицы».

В такой страшной обстановке каждый из нас понимал, что сейчас немецкая артиллерия нас уничтожит, но ни один человек не сказал, что пора уходить на запасные огневые позиции, никто не

струсил. Все чётко и быстро исполняли свои обязанности у орудий. Неожиданно к орудиям подъехали передки (это металлический сундук со снарядами на двух колёсах, пара лошадей), я только успел спросить ездового: «Кто приказал?», он ответил: «Командир дивизиона», орудия уже были приведены в походное положение, расчёты едва успели вскочить на лафеты, лошади галопом понесли нас с высоты. Не успели мы отъехать и на сто метров, когда немцы обрушили на наши огневые позиции сильнейший артиллерийский огонь. От нас не осталось бы и мокрого места. Через несколько минут мы были у наших запасных огневых позиций южнее Гнильца.

Минуло 60 лет, а перед моими глазами тот страшный бой, который потребовал от артиллеристов огромного мужества. Честно сказать, было страшно. Но в голове у меня стучала одна мысль, «Устоять, не отступить, больше уничтожить врагов, подороже продать свою жизнь». Я до сего времени не перестаю восхищаться героизмом моих подчинённых в том бою. Какие же это были люди! Самые обычные и одновременно героические. Они любили Родину по-настоящему и дрались за неё, не щадя своей жизни. Это и был массовый героизм воинов Красной Армии, благодаря которому немцы потерпели сокрушительное поражение в Курской битве».

Награды Жилина Леонида Николаевича:

- Медаль «За отвагу», за боевые действия во время наступления в январе – марте 1943 г.
- Орден Красной Звезды, за мужество, проявленное в боях с 5 по 12 июля 1943 на Курской дуге.
- Орден Красной Звезды, за форсирование Днепра.
- Орден Красной Звезды, за прорыв немецкой обороны в районе станции Холодники 7 января 1944 г. и за разведку расположения вражеских артиллерийских батарей и немецкого штаба в тылу врага.
- Орден Отечественной войны 1 степени (1985 г.)